И, тлен стряхнув с цветов засохших, Прошу у Бога дать мне сил Упрёком не предать усопших.

Никто не видел в жизни столь

Сдуваю с рукописей пыль,

Где же праздник обещанный, — спросите вы,
 Городской прокалённые скукой,
 Эту пыльную книгу усталой листвы
 Пролиставши на скорую руку.

намекнёт помидор,

Физиономии капризной Судьбы, Когда тщета и боль Бредут вдвоём на тризну жизни.

Отвернувшись белесым затылком. Подождём, в самом деле какой разговор— Его зрелости огненно-пылкой.

Рынки ломятся. Яблоку негде упасть,

Георгины в лоснящемся глянце.

Ощущения праздника и новизны Так желает душа! Так боится душа...

Ждите августа, — вам

Надёжный, строительный материал Твоё и моё вдохновенье!

Вон сентябрь у ворот — и пора покупать Моим школьникам новые ранцы.

В этом небе — зеркальном от голубизны, Отражусь мимоходом, куда-то спеша.

Над этим проектом твой голос мужал Непознанное поколенье. Когда, вырываясь на новый рубеж, Реальность мешали со снами, Когда этот город вставал из надежд, Как жаль, что вас не было с нами!

Таким городам не дано прозябать – Бесследно пропасть и незримо, Таким городам никогда не бывать —

* * *

Но если жизнь и впрямь игра,
Театр — а мы его актёры,
Не всё ль равно тогда,
Который

Сегодня будет свят и прав.

Достоинства не потеряв.

Прекрасное неповторимо! И встал он — важнее любой из наград, Руками, а не чудесами Построенный в вольной степи Автоград. Как жаль, что вас не было с нами!

Благослови беспечный нрав Столикой бабы— Мельпомены— Сумей оставить эту сцену

Глянь — весна пролетела неведомо как – Вся в заботах о праздниках близких. Распустились у бабок в шершавых руках Несравненные гроздья редиски!

Но если завтра умирать Другой поднимется на сцену, Страшась рассудок потерять, Припомни истинную цену Игры. И, сердца не губя, Утешься выдумкой двоякой -Он просто научился плакать – – Увы – естественней тебя. Не нам во всём искать резона, Терзаться — Бог не приведи -Вон спит живая Дездемона У режиссёра на груди. ПРОЩАНИЕ Во сне душа обнажена... Клубком свернувшись в ночь ненастья, Не то любви, не то несчастья Всё мается, всё ждёт она. Вот так прощание вошло В былую жизнь, все даты скомкав, В кромешных, сумрачных потёмках Запутал сети птицелов. Ни зги... Ни звука, ни огня -Лишь рыщет лихо в чистом поле.

Не о такой ли вольной воле Мечтал ты на исходе дня?

Всю жизнь твою в больном изломе

Но вдруг – светить – на небосклоне

И когда жесточайший прошёл гололёд,

Оглянулась: а следом никто не идёт... Вот тогда я всерьёз напугалась.

И дорога свободной казалась -

Дыханьем опалит беда

Взойдёт высокая звезда!

ГОЛОЛЁД

Надеждой сердца не неволь -

Должна достойной стать игрою.

Забрали роль - и эта боль

Круши мосты, ломать — не строить,

«Ты же первой ему изменила...» Вот и всё. Но мерцает шальная звезда В горемычном плену небосвода. Я счастливой уже отбыла навсегда В жесточайшие дни гололёда. ВСТРЕЧА И когда я решилась уже

А другие молчат, потому что мертвы -

Ты-то где, мой единственный милый?

И доносится рокот стоустой молвы:

Доживать в пустоте и смиренье Словно чиркнули спичкой в душе -Ты, мой дом, эта ветка сирени...

Не освоены мною покуда.

Пятилистая, зябкая гроздь Долго будет в стакане качаться -Это ты. мой нечаянный гость. Так внезапно напомнил о счастье. Две науки — прощать и спасать

Так спасать, чтоб самой воскресать,

Так прощать, чтоб уверовать в чудо!

Так в чужой раствориться судьбе,

Чтобы сам не пропал, кто спасает...

Я-то вижу, какое в тебе Ожиданье беды воскресает. Льняная скатерть утреннего луга, Туман окутал речки синеву,

Полувосторга крик, полуиспуга:

«Простудишься!». Но я уже плыву. Чуть-чуть знобит. Слегка пугают глуби Разверстые, глотая взмах руки. Но если ты меня и вправду любишь,

Войди за мной в крутую стынь реки.

Ты вправе и рискнуть, и уклониться. Но эхо зова древнего в крови -Мы нынче снова рыбы или птицы -

Ну что же ты! Так что же ты? Плыви! Меня речным течением относит,

Тебя не слышно... Голубеет высь.

Эй вы, братья и сёстры по смуте в крови, Кто вы, где вы, когда же по коням? Донеслось издалёка: ты нас не зови -Мы догоним. Мы позже догоним...

И незнакомый голос тихо просит: «Вернись ко мне! Вернись ко мне! Вернись...»

Болит и болит в нас прошедшее, не утихая. И, не торопясь становиться усладой стиха, Никак не забудется эта, давно прожитая, Аллея прозрачная в майскую ВДНХа.

Как лопались почки пронзительно, звонко и дерзко, Спеша по округе разнесть долгожданную весть, Что юные яблоньки, словно отряд пионерский, Всем взмахом ветвей обещали торжественно цвесть.

Ещё не пугала разлуки грядущая близость – Неделя любви — бесконечной казалась она... Но чёрные галки, по мокрым рассевшись карнизам, Вещали о том, что закончится эта весна.

С тех пор, бесконечную осень свою провожая, Я жду остужающих сердце моё холодов. Несут и несут мне навстречу того урожая Корзины роскошные горьких, запретных плодов.

Сутулой спиною прохожий похож на тебя. Но окликов резких усталые люди не любят, Они в нас внезапно надежду на встречу разбудят. И горечь досады разбудят

чуть-чуть погодя.

Стоим друг пред другом чужие: не та и не он.
Как холодно в сумерках вывесок

светит неон. Простите, прохожий, я снова ошиблась. Похожих На вашу согбенную спину вокруг миллион.

Ещё не единожды окликом я ошибусь. Ещё не однажды окликнут меня по ошибке. Но в мире огромном, скупом на любовь и улыбки, Надеждой на встречу несбыточную продержусь.

Отыщись, круглолистый боярышник, вдруг уколи В чаще леса, у края оврага, у лета на склоне, Когда шествует к западу день в золотистой короне И вечерние росы под ноги мои пролились.

чего я ищу, Что постигнуть пытаюсь, сквозь чащу к тебе пробираясь. Не могла не прийти так спешат исцелиться к врачу.

всей душою ему доверяясь.

Я не знаю, что вспомнить должна я,

Отыщись, мой боярышник, знаю, и это не суть Наших помыслов детских и грустной сердечной мороки. Ты стоял у дороги, когда я отправилась в путь. Ты мне должен, хоть редко, но всё же встречаться в дороге.

. . .

И находят покой.

Знаешь, я нынче с моими ступеньками в ссоре... Хочешь, немного побродим под этим дождём? Не о делах говорить с тобой будем, не спорить.

Просто трамвай припозднившийся твой подождём.

Музыки мало в безгрешном

моём настоящем. К бедам привыкла, боюсь только самой большой... Что-то иное, значительней прежнего счастья Мыслями правит моими. И правит душой.

Лёгким стихам обновлённый мешает рассудок. С Богом! Пусть будут кому-то другому легки. Всё вдохновенье впитали два маленьких чуда — Дети мои. Это сложные очень стихи.

Зонтик раскрою — услышу мелодию ливня... Ночью мелодия моря приходит во сне. Сильной такою, такою тревожно-счастливой Я не была ещё. Только вот музыки нет.

Куда вспорхнула песенка с катка? За синей птицей? В синий-синий иней? Она жива, слыхала я, и ныне. Но — легковесна. А была — легка!

Куда вспорхнула песенка с катка, Что в юности беспечной волновала? Я с той поры другие песни знала, А эта — не забудется никак.

Куда взлетела музыка с катка? Я и сама давно ушла, не глядя, Закинув за плечо две светлых пряди Да два моих блистательных конька.

А, может, стоит всё-таки рискнуть? Вернуться на каток предновогодний, Назло природе и плохой погоде На свежий лёд решительно шагнуть?

А вдруг вернутся праздники в меня? Покажется зима сквозной и светлой, Сиятельною, а не беспросветной... И важно! Можно! Нужно догонять!

И песенки стремительный полёт, И девочку— наивную, смешную, Что запыхалась. И сейчас в иную, Иную пору за каток шагнёт.

